

ПРЕСТУПНЫЕ КАМНИ

Лучшие детективы о драгоценностях

ТАТЬЯНА УСТИНОВА

Особый род детективов

Есть особый род детективов, памятный и любимый мной с советских времен. Кто помнит — в силу возраста, — тот меня поймет, кто не помнит, заодно и узнает, ибо этот род чтения, на мой взгляд, один из самых увлекательных.

Это детективы «про ученых».

Не пугайтесь, это вовсе не означает, что книжка переполнена формулами или заунывными рассуждениями о месте науки в современном мире. Просто в главных ролях задействованы научные сотрудники, руководители лабораторий, благородные подвижники от науки, нахальные молодые гении, знающие о жизни все, проходимцы, мечтающие сделать себе имя за чужой счет, и непременно пожилая секретарша директора НИИ, которая кутается в пуховый платок, печатает приказы на пишущей машинке «Москва», которая все знает, за всеми присматривает и разбирается в делах института куда лучше самого директора!..

Сдается мне, сегодня эта тема — науки, ученых, людей, которые работают головой, — вновь становится одной из самых интересных и — да простят меня читатели за банальность! — востребованной и популярной. Просто потому, что время пришло! Ей-богу, героями романов дальше уже просто не могут быть сплошь полицейские, бандиты с пистолетами-кастетам и разного рода жулики, от самых процветающих, прикупивших на краденое яхты и острова, до глубоко несчастных, падших, ворующих на базаре кошельки у зазевавшихся бабушек!..

Я глубоко убеждена, что «герой нашего времени», о поисках которого так много рассуждают в последние несколько лет, как раз и есть — ученый. Совершенно при этом не важно, в какой области он работает: в области высоких технологий, космических исследований, биологии или агрохимии. Каждая область важна и нужна людям, а

мы, читатели, так давно не читали книг о людях, которые всерьез делают что-то важное и нужное, а не воруют, убивают и грабят, с одной стороны, а с другой — гоняются, хватают и сажают за решетку.

Книга Евгении Горской «Карма несказанных слов» как раз о «героях нашего времени». Я не стану пересказывать сюжет, ибо дело это неблагодарное и вообще глупое, лучше прочитать роман от первого до последнего слова!.. Для меня самым важным, помимо детективной истории, очень хорошо и интересно придуманной, оказалась именно... среда обитания героев. Добрые соседи по даче, старинные броши, переданные по завещанию, — все это так весело и приятно читать!.. Да и факт похищения из научного института секретных приборов — дело серьезное, и как-то сразу верится в то, что событие это на самом деле может привести к ужасающим последствиям, и необходимо разобраться как можно скорее, вернуть приборы в институт. В похищении замешаны серьезные люди, настолько серьезные, что умудрились даже убийство выдать за самоубийство, чтоб запутать и героев, и нас, читателей. Героиня романа Горской «Карма несказанных слов» Лена Демидова должна разобраться в происходящем, и она разберется, ибо не безмозглая блондинка с пистолетом за резинкой чулка, а кандидат наук, шутка ли!..

В новом романе Евгении Горской есть все, что мы так любим в детективах, — и странные обстоятельства, и происки злодеев, и погони на машине, и любовь, конечно. Мне очень нравится читать про любовь, особенно когда она получается... неожиданной, то есть приходит с такой стороны, откуда ее уж совсем никто не ждет!

На мой взгляд, дорогие читатели, эта книга хороша во всех отношениях — она умна, легка, замечательно написана и заставляет задуматься о людях, которые на самом деле заняты важной и нужной работой. Нам не так часто приходится читать о них!.. Огромное спасибо автору за возможность, которую она нам всем подарила.

Он прошел мимо главного институтского входа, наблюдая, как тонкая фигурка растворяется за стеклянными дверями. Сразу поворачивать назад не стал, чтобы не привлечь чьего-нибудь ненужного внимания. Конечно, когда она умрет, никому и в голову не придет связать это с ним, но все-таки... Он свернул в первый попавшийся двор, с удовольствием вдохнул терпкий запах черемухи, по ближайшим улочкам обошел громадное здание института и направился к метро.

Он все сделает как надо. Ему спешить некуда.

Май, 14, понедельник

Проведя на даче оба выходных, Лена вернулась домой поздно, не выспалась и опоздала на работу. Голова была тяжелой, думалось плохо, и почти ничего из намеченного на утро она сделать не успела. Только к обеду, разобрав готовые приборы, она включила установки, решив проверить на дефектных образцах новый, долго обдумываемый процесс. Если все получится, если она все предусмотрела, тогда можно будет доложить генеральному. Но до этого еще далеко, сообщала она всегда только о реальных результатах и никогда об идеях и задумках, за

что, как правило, генеральный директор не то чтобы ей выговаривал, но как будто немного обижался: он любил, когда к нему приходили «советоваться». Другие ведущие разработчики приходили, а Лена — нет. Она предпочитала работать без подсказок и думать любила сама.

— Что я тебе сейчас скажу-у! — внезапно открылась дверь с грозной надписью «Посторонним вход запрещен», и появилась Люся.

Люся работала в секретариате, сидела в приемной генерального директора и каждые два-три дня приносила Лене сногшибательные новости. То есть сногшибательными они казались только самой Люсе, поскольку никаких кардинальных перемен в институтской жизни за все десять лет, что Лена здесь работала, не произошло.

Вообще-то приемная была одна на три кабинета: генерального и двух его заместителей. Как правило, там толпился народ, а плотные двери кабинетов практически не пропускали звуков, если только находящиеся внутри не переходили на крик, что происходило редко, практически никогда. Каким образом Люсе удавалось услышать, что обсуждают в кабинетах, для Лены было загадкой, однако подруга обычно была в курсе всего происходящего. К чести ее нужно сказать, знаниями этими она ни с кем не делилась, кроме Лены, будучи уверена, что чужие секреты та не выдаст никому.

По невероятному совпадению одним из заместителей генерального директора была Ленина дачная соседка Нонна Михайловна Лучинская. Нонна была не только соседкой. С Лучинскими в Лениной се-

мье поддерживались почти родственные отношения. Брат и сестра Лучинские — Дмитрий Михайлович и Нонна Михайловна — были ровесниками ее родителей, вместе росли и дружили с ними с детства. Сейчас Лучинские стали для Лены самыми близкими людьми, не считая старой тетки.

Когда лет десять назад, еще студенткой, Лена пришла на практику в институт и столкнулась в коридоре с соседкой, которая, как выяснилось, проработала там всю жизнь, Лена была поражена, это совпадение показалось ей совершенно исключительным, почти фантастическим. Теперь она знала, что в институте полным-полно родственников, приятелей, детей приятелей, и исключительными являются как раз случаи, когда на работу устраиваются совершенно незнакомые люди.

— Опять подслушала что-нибудь? — Лена махнула рукой. — Заходи.

Входить посторонним в лабораторию, тем более без специальной одежды, было запрещено, но все входили, и Лена, устав с этим бороться, давно смирилась.

— Не подслушала, а услышала, — поправила ее подруга, протиснулась между заваленными образцами и бумагами столами, уселась напротив на вращающийся стул и почему-то перешла на шепот: — Сегодня Пожидаев вышел.

— Что ты шепчешь? — удивилась Лена. — Знаю. Видела его утром.

Начальник второго отделения Юрий Викторович Пожидаев должен был отсутствовать на рабо-

те больше месяца, поскольку собирался в гости к сыну, живущему в Америке. У того только что родился сын, то есть Юрию Викторовичу внук. Все это Лена, с Пожидаевым знакомая шапочно, знала от той же Люси.

— Тут зашепчешь. Ужас, что творится! Оказывается, его жена неудачно упала и сломала лодыжку, так что поездка сорвалась. Сейчас жена дома мучается, а его на работу выгнала: наверное, от него дома нет никакого толку.

— Жалко тетку, — посочувствовала Лена.

— Жалко, — без особого сочувствия подтвердила Люся. — Юрий Викторович вышел, а никто этого не ожидал, думали, что он будет с больной женой сидеть. Так вот, оказалось, что у нас приборы пропали!

— Как это пропали? — не поняла Лена. — Как могут пропасть приборы?

Когда-то, еще при советской власти, институт был «закрытым», выполнял только оборонные заказы. Потом, помимо военной, стали выпускать и гражданскую продукцию, а в последнее время опять перешли на военную — связи генерального директора позволили получать очень выгодные госзаказы. Каждый прибор был уникальным, изготовление его тщательно отслеживалось, маршрут и сроки были известны всем ведущим разработчикам, и каждый, кто брал изготавливаемый образец для выполнения любых операций, несмотря на всеобщую компьютеризацию, по старинке расписывался в специальном журнале.

— Никто этого не понимает. Пожидаев стал проверять каждый образец и недосчитался четырех штук. Из партии, которая готовилась для военных.

Что Люся услышала, а что домыслила, Лена не знала, но это было неважно, поскольку выводы из отрывочных фраз подружка, как ни странно, сделала абсолютно верные.

— Значит, кто-то их взял и не расписался.

— Да нет же! Юрий Викторович всех обошел, приборов нигде нет. Их украли!

— Люсь, ну зачем кому-то военные приборы? Исламскому государству продать?

— Не придируйся! — обиделась подружка. — Конечно, продать. Мало, что ли, террористов?

— Бред какой-то.

— Бред, — согласилась Люся. — Короче, Пожидаев пришел к Нонне, потому что генерального не было. Они все утро сидели, потом всех разработчиков обошли. К тебе не заходили?

— Нет. По военным образцам наши операции давно выполнены, в апреле еще. А в мае у нас ничего не сдается. Хороший месяц, тихий. И все-таки я не понимаю, как можно украсть приборы: их же через металлическую рамку на выходе не пронесешь. Наверняка кто-нибудь взял и не расписался.

— Да нет же! В самом деле их украли. Нонна распорядилась все машины досматривать — которые с территории института уходят. А что их досматривать, приборы уже наверняка раньше вывезли. Через металлическую рамку не пронесешь, а на служебной машине вывезти — делать нечего. Договорились

с водителем, и все. Или с охраной договорились и пронесли через рамку.

Лена возразила:

— Люсь, это полный бред. За это же посадят точно, а таких идиотов у нас все-таки нет. Подсидеть кого-то желающие найдутся, а в тюрьму идти — вряд ли. К тому же что приборы полностью готовы, знают только ведущие разработчики, а они точно рисковать не станут. Зачем? Они и так неплохо зарабатывают.

— Значит, заплатили столько, что имело смысл рискнуть, — качнулась на стуле подружка. Замерла ненадолго и ахнула: — Лена! А может, правда приборы спрятали, чтобы Пожидаева подсидеть? А? Ты представь: он выходит из отпуска, на носу военная приемка, а приборы тю-тю. Конечно, его сразу снимут, хоть он и ни при чем.

Вообще-то Юрий Викторович человек чрезвычайно рассеянный, то и дело теряет то очки, то телефон, то еще что-нибудь, что потом приходится искать всему отделению. Но в том, что касается непосредственно работы, он обладает исключительной памятью, никогда ничего не забывает, и уж тем более не мог потерять приборы перед приемкой.

— Я думаю, скорее кого-нибудь повыше снимут. Генерального, например, — произнесла Лена и засомневалась: их директор был ученым с именем, и снять его означало почти ликвидировать институт.

— Генерального вряд ли, — усомнилась подруга и выпалила: — Нонну! Точно, Лена, снимут Пожидаева и Нонну! Она эти работы курирует. А выгодно это

Леве Липавину. Он тогда сразу на место Пожидаева садится. И чтобы Нонны не было, ему выгодно — она его терпеть не может. Неужели это его рук дело?

— С ума сошла? Липавин не дурак, свободой рисковать не станет. К тому же зарплата у него наверняка не маленькая. И карьера! Ему чуть за тридцать, а уже заместитель начальника отделения.

— Да, — кивнула Люся и ляпнула невпопад: — Надька Андреева от Левы просто балдеет.

— От него все балдеют, — справедливо заметила Лена. — Кроме нас с тобой.

— Лева, конечно, парень хоть куда, — согласилась подружка, — только не нравится он мне.

Лене Липавин тоже не нравился: красавец Лева, неженатый, модный и спортивный, о котором мечтали почти все молоденькие девушки и дамы в возрасте, не обращал внимания ни на тех, ни на других, определенно знал себе цену, и цена эта была очень высокой. Он каждым словом и даже каждым движением давал окружающим это понять. Как ни странно, глупо его поведение не выглядело, но и симпатий не вызывало.

— Вот ты скажи, Лен, где мужика найти, чтобы богатый был и такой... нормальный?

— Знала бы — не сидела бы в девках, — улыбнулась Лена.

— Позвони Нонне, — наклонившись к ней, опять перешла на шепот подружка и посмотрела на Лену жалобно.

— Зачем? Что я ей скажу? Нонна Михайловна, Люся кое-что подслушала, и мы теперь хотим подробности узнать?

— Вредная ты, — пожаловалась Люся и заканючила: — Ну позвони, что тебе стоит? Вдруг она что-нибудь интересное расскажет.

Отвязаться от подружки, когда та чего-либо добивалась, было почти невозможно, но Лене повезло: зазвонил Люсин мобильный — приехал генеральный и требовал к себе секретаря, так что звонить Нонне Михайловне не пришлось. Лена вообще старалась не звонить ей на работе и никогда не афишировала своего близкого знакомства с заместителем директора, но все о нем знали, конечно. Когда после выхода на пенсию ее старого начальника Лену назначили заведующей лабораторией, злые языки однозначно связывали это назначение с Нонной Михайловной. Это было абсолютно несправедливо и очень обидно, потому что к тому времени Лена достигла немалых успехов и должность свою заслужила честно, и все, кто имел с ней дело, это понимали. Лена обещала себе не обращать внимания на досужие слухи и уж тем более из-за них не расстраиваться, но все равно расстраивалась.

Работа решительно не шла, и через час Лена решила, что день не задался. У нее случались такие неудачные дни, когда все валилось из рук и любое дело потом приходилось переделывать. Она сняла белый рабочий халат, посчитав, что все намеченные изменения лучше провести завтра на свежую голову, и заперла лабораторию.

В инженерной комнате стоял привычный шум, женщины за чайным столом смеялись, спорили, перебивали друг друга, шуршали конфетными фанти-

ками, и казалось, что ничего вокруг они не слышат и не замечают. Лена знала, что на самом деле они все прекрасно слышат и видят и наверняка отметили, что сегодня она закончила возиться с приборами раньше обычного.

Она едва успела дойти до своего стола, как зазвенел ее личный внутренний телефон, и шум мгновенно сменился абсолютной тишиной.

— Леночка, приветствую вас. Загляните ко мне, пожалуйста, — услышала она приятный баритон генерального директора.

— Да, Марк Семенович, сейчас. — Лена положила трубку и потянулась к косметичке — подкраситься, но не успела — мобильный в ее сумке тихими гитарными переборами позвал «Побудь со мной». Звонок был некстати, но она, посмотрев на дисплей, ответила:

— Теть Лиз, привет, говори скорее, меня начальство вызвало.

— Я на всякий случай, чтобы ты не волновалась: мы с Петром Ивановичем уходим на выставку фотографий в Манеж, — торопливо сказала тетка.

— Пока. Вернешься, позвони, — попросила Лена.

— Зачем вызывает? — поинтересовалась Наталья, самая громогласная и доброжелательная из сидевших за «чайным» столом женщин.

— Не знаю. — Лена знала одно: если Марк Семенович просит зайти в конце рабочего дня, значит, домой она попадет нескоро.

Она сунула телефон в сумку и почти бегом бросилась к кабинету генерального. Вспомнила, что не подкрасилась, остановилась, решила не возвращать-

ся, улыбнулась важной Люсе и открыла роскошную дубовую дверь.

В кабинет к генеральному Лена всегда входила хоть и без особой радости, но уж точно без страха и трепета. Академик, лауреат и орденоносец Марк Семенович Хмельницкий был умным, честным и очень обаятельным человеком. Позер немного, но это ему идет.

Лена была в него почти влюблена.

Когда-то, еще не будучи ни директором, ни академиком, профессор Хмельницкий читал лекции в институте, где Лена училась, отбирал и приглашал на работу наиболее способных студентов. Вместе с Леной сюда тогда пришло человек десять, но потом все потихонечку разбрелись кто куда, и сейчас осталась одна Лена, которая уже не мыслила себе жизни без института.

— Вот, Сергей Александрович, наша гордость, — с необидной иронией представил ее генеральный, — заведующая лабораторией №18, кандидат физмат наук, Демидова Елена Владимировна.

— Курганов Сергей Александрович. — На Лену без улыбки смотрел поднявшийся из-за гостевого стола, стоявшего перпендикулярно к рабочему столу Хмельницкого, высокий худощавый мужчина лет сорока в солидном темно-сером костюме, кремовой рубашке и галстук в полоску. Из-за его дорогого костюма Лена мгновенно почувствовала себя страшенькой и плохо одетой. Хотя и блузка, и брюки на ней были новыми и любовно выбранными по немецкому каталогу, но в шикарном ка-

бинете явно не смотрелись. Тут она подумала, что и лицо у нее, наверное, блестит, и совсем расстроилась.

Господин Курганов не улыбался, а Лена улыбнулась. Как дура. И из-за этого расстроилась еще больше.

— Сергей Александрович — технический директор фирмы «Омстрон». И наш потенциальный заказчик. Пожалуйста, покажите ему всю технологическую линейку. И согласуйте техническое задание к договору, хорошо бы за сегодня-завтра. — Хмельницкий тоже привстал, когда Лена вошла в кабинет, а теперь снова сел. И смотрел на нее ласково, впрочем, он так на всех смотрел. — Ну, в добрый час. — Марк Семенович слегка кивнул им обоим и протянул руку к зазвонившему телефону. Снял трубку и добавил уже одному Курганову: — Жду вас к шести, Сергей Александрович.

Лена повернулась и повела заказчика в лабораторию.

Сергей шел за девицей-завлабом по длинному коридору. Завлаб Елена Владимировна оказалась слишком молодой и какой-то неуверенной в себе, воспринимать ее как представителя исполнителя было сложно. Впервые после того, как он пробился к Хмельницкому и предварительные договоренности были достигнуты, Сергей подумал о том, что с договором могут возникнуть проблемы. Конечно, это будут не его проблемы, а Хмельницкого, но все же... Тут ему пришло в голову, что если Марк Семе-

нович смог сохранить институт и даже почти не потерял научный потенциал, когда такие же предприятия десятками гибли в сложные девяностые годы, то его мнение стоит уважать. И если Марк Семенович считает, что госпожа Демидова сможет руководить работой, наверное, так оно и есть.

И все-таки что-то его смущало в завлабе Елене Владимировне: она совсем не походила на женщину, успешно делающую административную и научную карьеру. Что-то в ней совсем не вязалось с договорами, планами-графиками и актами сдачи-приемки. У нее были кудрявые волосы до плеч и легкая походка, и она показалась ему похожей на юную даму начала XX века, такие же строгие нежные лица смотрели на него с пожелтевших семейных фотографий, которые маленький Сережа любил разглядывать, приезжая к бабушке. Ей бы стихи писать или картины, подумал он непонятно почему, поскольку из всех поэтесс смутно представлял себе только Ахматову, а художниц не знал вовсе.

— Вас подчиненные слушаются? — спросил он.

Она почему-то так удивилась, что застыла посреди коридора, и Сергей чуть не уткнулся носом в ее затылок. Волосы ее пахли клевером, летней травой и еще чем-то легким и приятным. И совершенно неожиданно ему захотелось еще раз наклониться к ее волосам и даже потрогать их руками. А еще отчего-то стало вдруг весело, и он обозвал себя старым дураком.

— Да я не знаю, — ответила она и опять зашагала. Не то чтобы она не ждала от него никаких слов, нет, конечно, он же не немой, просто слова эти долж-